

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДИФФАМАЦИИ

Павел Андреевич Спиваков

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, ostrovludnikova@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании изучен исторический процесс изменения отношения юридического сообщества и общественности ряда стран к понятию «диффамация». Современное правовое и общественное толкование термина «диффамация» отлично от его исходного исторического толкования, оно ограничено распространением не соответствующих действительности порочащих сведений (см.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5). В историческом понимании диффамация — синоним опорочивания, которое наряду с ложью использует и иные способы распространения сведений. Следовательно, современное понимание опорочивания как общественно опасного деяния сведено к понятию «клевета». Данное обстоятельство ведет к ограничению прав граждан и юридических лиц на государственную защиту их чести, достоинства и деловой репутации от опорочивания, совершаемого иными способами.

В рамках исследования поставлен вопрос о том, что любой вид опорочивания является неправомерным независимо от того, являются ли порочащие сведения ложными или нет. Для того чтобы раскрыть противоправную природу любого вида опорочивания, проведено ретроспективное исследование механизмов государственной защиты чести, достоинства и деловой репутации в различных государствах в различные исторические периоды. Осуществлен межкультурный и философский анализ восприятия участниками общественных отношений рассматриваемого явления, цель которого — демонстрация преступного характера действий субъекта диффамации. Проанализированы последствия и опасность опорочивания лица истиной, в особенности с использованием различных видов тайн, сделан вывод о недооцененности участниками общественных отношений опасности опорочивания лица определенными видами истины. Предложено разграничить понятия «клевета» и «диффамация», а также определить пределы реализации прав на свободу слова и выражения мнения в рамках защиты интересов личности и общества.

Ключевые слова: честь, репутация, деловая репутация, диффамация, опорочивание, очернение, истина, ложь, оговор, презумпция добросовестности

Для цитирования: Спиваков П. А. Криминологическая природа диффамации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 48—56.

CRIMINOLOGICAL NATURE OF DEFAMATION

Pavel Andreyevich Spivakov

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia, ostrovludnikova@yandex.ru

Abstract. The historical process of changing the relations of the legal community and the public of a number of countries to the concept of "defamation" is researched in this article. Modern legal and public interpretation of the term "defamation" differs from its initial historical interpretation. It is limited by defaming information, that is not true (see: the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation by the courts of general jurisdiction" dated October 10, 2003, No. 5). In the historical context, defamation is a synonym to "discredit", that, along with a lie, uses other methods to deliver information. Consequently, a modern interpretation of a "discredit" as a socially dangerous act means "slander / libel". This factor restricts the rights of citizens and legal entities to state protection of their honor, dignity and business reputation from discredit, committed in other ways.

As a part of the research, the issue has been raised that any type of slander / libel is illegal, regardless of whether defamatory information is false or not. In order to reveal the unlawful nature of any type of discredit: a retrospective research of the mechanisms of state protection of honor, dignity and business reputation in various historical periods is done; inter-cultural and philosophical analysis to take in the considered phenomenon by participants in social relations, the purpose of which is a demonstration of the criminal nature of the actions of the subject of defamation is made; the consequences and danger to discredit a person by using a truth especially by using various types of secrets, are analyzed; a conclusion to underestimate (by public relations participants) the danger to discredit the person with certain types of truth is made; the concepts of "slander / libel" and "defamation" are proposed to differentiate, as well as determine the limits of the realization of rights to freedom and expressing opinions in the context of protecting interests of the individual and society.

Keywords: honor, reputation, business reputation, defamation, discredit, defamation / libel, truth, lie, slander, presumption of honesty

For citation: Spivakov P. A. Criminological nature of defamation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 48—56, 2025. (In Russ.).

Российское общество в настоящий момент находится на последней стадии вступления в информационное общество. Все элементы отечественной системы общественных отношений, будь то культурные, экономические, религиозные, политические, бытовые и иные, все более интегрированы в единые процессы цифровой трансформации. На пути к информационному обществу все более важную роль играет общественное мнение и социальный облик участников общественных отношений, выражаемый, как правило, в репутации (в том числе деловой) субъектов.

Ключевым элементом взаимодействия между субъектами является информация. Современный человек не боится что-то узнать, скорее он опасается чего-то не знать, особенно в сфере собственных интересов и окружающей действительности. С такими личностными установками в условиях динамического развития информационной сферы, в частности социальных сетей и блогосферы, каждое лицо представляет собой идеального информационного реципиента. С развитием новых способов, методов и механизмов взаимодействия между гражданами, организациями и государством развиваются и новые инструменты совершения общественно опасных деяний. Сложившиеся условия информационной зависимости участников общественных отношений являются идеальной средой для развития новых видов преступной деятельности, заключающейся в формировании ошибочного или негативного общественного мнения о каком-либо лице. В результате действий злоумышленников подрываются честь, достоинство и деловая репутация лиц, что в условиях информационного или прединформационного общества влечет тяжелые личностные и экономические последствия для субъекта указанных благ. Деятельность осуществляется в рамках реализации прав на свободу слова и выражения мнения под видом

открытых дебатов или защиты как личных, так и общественных интересов, однако истинными мотивами акторов являются личная заинтересованность или корысть. В результате действий злоумышленников, как правило, создаются благоприятные условия для совершения более тяжких преступлений, таких как вымогательство, принуждение к совершению сделок, а равно отказ от них, ограничения избирательных прав граждан и других прав. Создание таких условий и есть цель противоправных действий.

Современное отечественное уголовное право защищает граждан от клеветы, т. е. распространения ложных порочащих сведений, но не обеспечивает защиты от опорочивания, совершаемого с использованием истинных сведений.

На различных этапах развития мировой юриспруденции для обозначения преступления, связанного с опорочиванием кого-либо, использовался термин «диффамация», изначально применявшийся в широком смысле. Анализ современного российского законодательства показал, что термин «диффамация» в нем присутствует, но в смысле, тождественном клевете.

В рамках изучения вопроса о действительной общественной опасности диффамации лиц с использованием любых видов сведений проведен исторический и социально-философский анализ данного понятия.

Начиная с периода становления права и до начала прошлого века под диффамацией понималось неправомерное деяние, требующее судебного разбирательства даже тогда, когда утверждения злоумышленника были неоспоримо правдивы (судами древней Англии при рассмотрении дел об опорочивании применялась максима: «Чем больше правды, тем больше опорочивания» (The greater the truth, the greater the libel)) [1, p. 394].

Обращение к ряду толковых словарей дает понимание, что термин «диффамация» (от лат. *diffamo* — порочу) в праве ряда государств толковался как «распространение (разглашение) сведений, позорящих честь конкретного лица или учреждения». От «клеветы» его отличал более широкий смысл, включавший и распространение сведений достоверного характера [2, с. 145]. Согласно толкованию словаря-справочника А. А. Иванова, диффамация (от лат. разглашать, предавать гласности, лишать доброго имени, опорочивать) — это умышленное разглашение действительных или ложных сведений, порочащих общую репутацию или деловую репутацию лица [3, с. 116]. Такого рода злонамеренные действия неоспоримо направлены на причинение вреда нематериальным благам лица, в отношении которого совершаются действия, влекущие опорочивание. Результатом данных действий является причинение ему ущерба или страданий.

В последующие столетия в правовых и семантических категориях ряда стран из понятия диффамации был исключен признак «достоверные или истинные сведения» как средство опорочивания. Толкование диффамации более не включает в себя правдивые сведения, которые стали средством защиты злоумышленника в судебных процессах о диффамации. В ряде правовых систем наличие достоверных сведений исключает факт опорочивания. Даже вне юриспруденции, в быту, ложь стала общепринятым смыслом диффамации. Сегодня большинство словарей в странах английской правовой семьи толкуют термин «опорочивание» как распространение ложной информации.

Современное понимание термина «диффамация» во многих странах искажено в пользу узкого значения, которое впоследствии нашло свое применение в законе. В настоящей работе исследована общая смысловая нагрузка рассматриваемой дефиниции в широком смысле, в сравнении с юридическим общепринятым толкованием. Продемонстрирован тот факт, что «диффамация истиной» (диффамация, основанная на верных сведениях, порочащих лицо) также может являться средством совершения преступлений и влечь непоправимые последствия для носителей благ, подвергающихся опорочиванию. В особенности если это связано с использованием подлинных сведений, относящихся к различным категориям тайн.

Исторически считалось неправильным и даже преступным публично порочить кого-либо. Древнеримский закон запрещал публичное порицание другого лица (истиной или нет — не имело зна-

чения) [4]. Католическая традиция запрещала акт «умаления», который приравнивался к распространению негативной правды о другом человеке, еврейская традиция запрещала «лашон харах», акт негативного высказывания о другом человеке, пусть и безошибочного (истинного). Разумеется, ложь тоже относилась к преступному посягательству на честь, достоинство и репутацию человека или объединения.

Самое раннее английское употребление термина «диффамация» объединяло обе эти формы нанесения ущерба репутации в единый вид деяния, не разделяя на «опорочивание, совершенное с использованием лжи» или «опорочивание с использованием правды». Первый словарь английского языка 1603 г., составленный Р. Коудри в алфавитной таблице, определял слово «диффамация» как «оговаривать плохо, плохо отзываться о...» [5]. Более известный том «Словаря английского языка» С. Джонсона 1768 г. давал похожее определение, но детализировал его, толкуя диффамацию как «акт порочения или навлечения позора на другого» [6]. Исходя из этого, определение диффамации Джонсона включало в себя действия правонарушителя, совершаемые с использованием истинных сведений.

Изначально в древнее английское право из древнего римского в качестве видов диффамации были переняты наговор, осуждение, порицание, умаление достоинства. В ходе формирования английской юридической практики было принято решение о выделении двух видов диффамации: 1) оговора, совершаемого в устной форме; 2) клеветы, совершаемой письменно. Стоит отметить, что клевета признавалась более серьезным преступлением, чем оговор.

Юридическая практика того времени отражает рассматриваемое толкование. Изучение уголовных дел о клевете XVII—XVIII вв. показало, что судами преимущественно принималась точка зрения органа власти Великобритании, называемого «Звездной палатой» (существовавший в 1487—1641 гг. чрезвычайный суд при короле Англии), о том, что истина не имеет отношения к обнародованию правильной (правдивой) или неправильной (ложной) порочащей информации. Для них важно было, с какой целью она используется, а именно во благо (равно — для защиты) или для злонамеренного очернения.

Вышеизложенное не говорит о том, что в указанный исторический период диффамация истиной приравнивалась по степени тяжести к диффамации лжи. Прецедентное право Англии

конца XVIII в. рассматривало серьезность последствий распространения порочащих сведений в каждом конкретном случае, но при этом устное деяние признавалось менее тяжким, чем написанное на бумаге или в произведении.

Для примера представим цитату из разъяснения суда XVIII в.: «Несмотря на то что в действиях, связанных с распространением устной речи порочащего характера, закон из сострадания признает истинность обвинения, на которое можно сослаться в качестве оправдания, все же эта мягкость закона не должна быть распространена на письменный скандал, в котором автор действует с большим хладнокровием, тогда как на словах люди часто в пылу страсти говорят вещи, за которые им впоследствии стыдно, но скандал скорее угасает и забывается. Поэтому, из большей степени озорства и злобы, сопутствующих одному, чем другому, закон позволяет стороне оправдываться истиной за устное высказывание, хотя и не за письменный скандал» [7].

При таком рассуждении истина на самом деле не оправдывает противоправность действий злоумышленника, она попросту является обстоятельством, смягчающим его ответственность. Связано это в первую очередь с тем, что нарушитель мог находиться «во власти такой правды» в краткосрочный период, и с эмоциональной мотивацией поступка. Преступник мог неумышленно распространить порочащую информацию под давлением психологического возбуждения — «в состоянии аффекта». Историческое изменение толкования диффамации дает автору полную картину того, как изменялся закон о диффамации. Ранее правда использовалась в качестве средства защиты или смягчающего обстоятельства, но не потому, что диффамация истиной, в отличие от диффамации ложью, считалась приемлемой, а потому, что могла служить поводом для совершения аффектно-оправдываемых действий. Кроме того, в противовес христианской традиции, запрещающей «умаление», выступал принцип «Божьего суда», в соответствии с которым считалось, что Бог благоволит тем, кто говорит правду. На решение суда при рассмотрении дел о диффамации влияла не только правдивость порочащих сведений, но и другие предъявляемые сторонами доказательства, а также причины и обстоятельства совершения преступления. В ряде случаев, исходя из совокупности представленных доказательств, суды принимали решения о том, что тот или иной факт распространения истинной информации о лице не должен наказываться по закону, так как не несет в себе

умысла на опорочивание и не признается диффамацией. Аргументом выступало предположение, что некоторая истина предостерегает общественность от неблагонадежных сограждан, является общественно значимой и служит на благо государству и его гражданам.

Английская правовая система, в том числе в сфере защиты от диффамации, была принята на вооружение законодательными органами США, Канады и многих стран, подвергшихся влиянию английских колонизаторов. В начале 1800-х гг. законодательство США начало частично декриминализировать диффамацию истиной. Это было сделано для того, чтобы соответствовать принципам свободы слова, закрепленным в Первой поправке к Конституции США. Считалось, что принципы Первой поправки призваны предоставить на суд общественности правду независимо от того, насколько она вредна или дискредитирует кого-либо или что-либо.

Решающим фактором, послужившим основанием для принятия статутной нормы, регулирующей рассматриваемую отрасль общественных отношений, стало уголовное дело о диффамации, возбужденное в отношении представителей газеты *People*. Редактору газеты было предъявлено обвинение в распространении порочащих сведений, изложенных в статье о Томасе Джефферсоне. Процесс был открытым, имел широкий общественный резонанс. Стороне защиты было отказано в возможности вызвать в качестве свидетеля предполагаемого исполнителя убийства Джефферсона под предлогом вероятного распространения диффамации в отношении представителей органов власти США. Представителями общественности и оппозиции данный факт был воспринят как использование нормы, запрещающей диффамацию истиной, в политических репрессивных целях, что вызвало общественное недовольство и породило недоверие граждан к судебной системе США¹. Несмотря на то что этот судебный процесс был проигран обвиняемыми, действия и аргументы стороны защиты оказали большое влияние на законодательное собрание штата Нью-Йорк, которое первым в мировой юриспруденции постановило утвердить истину в качестве признака, исключающего противоправность деяния. По данному поводу в правовом сообществе США широко

¹ U. S. *People v. Croswell*, 3 Johns. Cas. 337 (N. Y. 1804). URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/laws/u-s-people-v-croswell-3-johns-cas-337-n-y-1804> (access ed: 19.09.2024).

распространилось мнение авторитетного судьи Верховного суда США О. Холмса: «Идея того, что государство может ограничивать идеи, которые являются для кого-то оскорбительными... напрямую нарушает Первую поправку. Унижение по признаку расы, национальности, гендера, религии, возраста, здоровья или какому-либо иному несет ненависть, но дух нашего закона говорит, что мы горды защищать свободу высказывать мнения, которые сами ненавидим»¹.

С течением времени устоявшееся восприятие применения данной нормы было распространено по всей территории США.

Среди прочих аргументов, которые служат поводом для отказа гражданам и организациям в защите от диффамации, объявлена «ценность свободных и ничем не ограничиваемых дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес», как это закреплено в Первой поправке. Диспозиция поправки стала доминировать над заботой об интересах тех, кого подвергли диффамации. В англосаксонской правовой семье в современном понимании «опорочить» означает «обнародовать что-либо одновременно порочащее и ложное». Переход к признанию только лжи противоправным средством диффамации связан не столько с переосмыслением противоправности диффамации, сколько с возвышением ценностей свободы слова, публичности расследования и дебатов.

В результате такого исторического переосмысления степени важности одних ценностей по отношению к другим более узкое юридическое толкование диффамации пришло на смену предшествующему, более широкому пониманию, выходящему сегодня за рамки закона. Понятие диффамации отождествляется с понятием «клевета» и теряет свое значение, трактуемое толковыми словарями.

Набирающее юридическую и общепринятую популярность отождествление диффамации и клеветы не обязательно исключает из понятийного контекста диффамацию истиной. Данные обстоятельства предполагают то, что явление в настоящее время недооценивается и, соответственно, недостаточно изучается учеными-теоретиками отечественного права. Защита от диффамации истиной в современных реалиях не презюмируется носителям благ. Несмотря на то что отдельные случаи диффамации истиной наносят существенный мораль-

ный и материальный вред, в современном юридическом понимании многих правовых систем, в том числе отечественной, не признается нарушением прав граждан, но вполне может быть признано проблемой в моральном отношении. В рамках морали такие действия злоумышленника не находят публичного одобрения, в особенности когда вопрос касается использования для диффамации служебных, корпоративных, личных или интимных тайн [8].

Как писал Августин Блаженный, называть какой-либо поступок ложью или воровством [9] — значит характеризовать это действие как неправильное, аморальное и противоправное, независимо от того, какие оправдания своим поступкам может привести лжец или вор, и наказывается оно и по закону Господа, и по писаному закону. Исходя из данного суждения, заниматься опорочиванием других — значит совершать противоправные поступки вне зависимости от способов (с помощью лжи или правды), и противоправность данных поступков никак не зависит от оправданий поступков злоумышленника. Таков был ранее смысл диффамации, поскольку она представляла собой опорочивание в любой своей форме. Из сегодняшнего значения термина «диффамация» можно сделать вывод, что нет ничего противоправного в уничтожении чести и репутации и умалении достоинства кого или чего-либо, если оно совершено с использованием правдивых сведений, вне зависимости от того, является ли рассматриваемый поступок мотивированным достойной целью или совершен из корыстных либо хулиганских побуждений.

Как бы с течением времени ни изменялось общественное и юридическое восприятие сущности диффамации и отношение участников общественных отношений к диффамации ложью и диффамации истиной, неоспоримым остается тот факт, что оба эти вида опорочивания связаны с умышленным причинением вреда чьей-либо репутации в широком смысле и деловой репутации — в узком.

Понятие репутации в широком смысле трактуется как приобретаемая кем- или чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках физического или юридического лица. Она может быть хорошая или плохая [10]. Более узкое понятие деловой репутации можно сформулировать как приобретаемое в рамках социальных отношений и поддерживаемое носителем общественное признание профессионально-деловой, трудовой, правовой и исполнительской надежности лица, подлежащей волатильной оценке [11].

¹ *Matal v. Tam*, United States Court of Appeals for the Federal Circuit. Citation. 582 US (2017). P. 16. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/582/15-1293/> (access ed: 21.09.2024).

Таким образом, указанные блага опираются на общественное или авторитетное мнение, разделяемое гражданами. Они формируются на основе информации, доступной общественности, вне контекста каких-либо частных, личных, интимных отношений. Стоит учитывать то, что «мнения», лежащие в основе общественной оценки, формируются — в том числе непроизвольно — обыденным сознанием на основе получаемой из источников информации, выраженной, как правило, в виде информационного продукта или публичного высказывания, как, например, в социальных сетях [12].

Диффамация — это умышленное осознанное действие, нацеленное на причинение ущерба репутации и деловой репутации субъекта. Вместе с тем ложная диффамация признана противоправной, а основанная на правдивой информации — нет.

Репутация, а равно и деловая репутация, как и приобретенная в результате честного труда или по праву собственности, является неотъемлемым аспектом бытия индивида в системе общественных отношений. Нанесение вреда репутации влечет ее уничтожение, равно как и хищение или повреждение собственности — к порче или лишению имущества, что, само собой, недопустимо в правовом обществе. Оба этих факта не зависят от того, как планировалось использование собственности или применение положительных свойств рассматриваемых нематериальных благ. Совершение противоправных действий уже является достаточным для определения факта противоправного поведения. Вторым важным аспектом репутации или деловой репутации является тот факт, что эти блага формируются долгосрочными положительными усилиями носителя, подкрепленными гласностью его достижений как члена общества или представителя профессиональной и деловой сфер. Результатом этих усилий является естественное усвоение членами общества или сообщества соответствующей информации.

Умысел актора распространения ложной информации заключается не только в распространении лжи. Если актор ложно объявит носителя благ общественным героем, святым или высококлассным успешным специалистом, сомнительно, что последний будет возражать и требовать защиты от ложной информации. Умысел акторов направлен на нанесение ущерба благам в виде разрушения сформированного длительными усилиями положительного, надежного и добросовестного облика носителя, а равно фактического придания

ему облика недобросовестного участника общественных и профессионально-деловых отношений.

Репутация, как и деловая репутация, являются неотъемлемыми элементами структуры субъекта общественных отношений, причинение вреда которому, выражаемое в очернении, образует цепочку зависимостей, ухудшающих его положение в указанной системе социального взаимодействия. Это напрямую будет отражаться на материальном, исполнительском и психологическом состоянии субъекта. Более того, данные блага и их состояние для субъекта представляют огромный интерес, так как влияют на его роль в социальной среде. В настоящее время отечественные и зарубежные законодатели признают существенность такого вреда, но, как уже выше рассматривалось, лишь в категориях деяний, имеющих в основе ложную информацию.

Но как же быть с опорочиванием, основанном на истинной информации, которая ни при каких нормальных условиях не подлежит гласному распространению или не имеет никакого отношения к участию субъекта в системе общественных отношений? Являются ли данные действия диффамацией? В этом вопросе мы согласны с мнением А. А. Смирновой [13]. Диффамация, как намеренное действие, в рамках которого злоумышленник эксплуатирует попавшую в его руки истинную информацию о медицинских процедурах, подробностях частной или интимной жизни, деталях внутренних служебных отношений и т. д., относящихся непосредственно к объекту опорочивания, безусловно, ведет к тем же негативным последствиям, что и клевета. Разглашение такого рода информации, в особенности имеющее эмоциональный окрас, осуществляется с тем же умыслом и влечет те же вышеописанные негативные последствия. Цель субъекта, распространяющего информацию, — подрыв репутации или деловой репутации лица, последствия — ухудшение положения субъекта благ в системе общественных отношений, нарушение презумпции добросовестности без явных доказательств.

Исторически искомая интерпретация юридического значения термина «диффамация» предусматривала указанное обстоятельство. Более того, ряд современных суверенных правовых систем развитых государств, имеющих высокий уровень преемственности национальных традиций, таких как Китай, Таиланд, Япония и т. д., признают диффамацию в исконном широком понимании, и их государственные правоохранительные структуры оберегают репутацию и деловую репутацию от любых форм опорочивания.

Основным аргументом представителей романо-германской правовой семьи при отрицании того факта, что диффамация истиной должна признаваться нарушением прав участников общественных отношений, выступает суждение, что такая мера будет служить ограничению демократических прав на свободу слова и выражения мнений. В абсолютном смысле предполагаем, что данные права декларируют невозможность запрета кому-либо отстаивать свою позицию или защищаться путем оглашения правды или собственного мнения, если высказывающийся искренне полагает, что оно правдиво.

Рассуждая об отношениях между правами одних на защиту нематериальных благ и правами других на защиту от ограничений в высказывании правдивых или вероятно правдивых суждений, следует отметить, что диффамация:

— относится к умышленно изготовленным сообщениям, которые нацелены на подрыв репутации или деловой репутации другого лица;

— носит гласный, публичный характер или предусматривает спланированную потенциальную публичность, но никак не приватность.

Вместе с тем, что свобода слова и выражения мнения декларируется высокой ценностью, существует ряд ограничений, обоснованных как морально, так и юридически. Наиболее известными ограничениями являются обязательства по конфиденциальности. С морально-этической позиции запрещается разглашать то, что было раскрыто в ходе конфиденциального общения, например в профессиональном сообществе, между юристами и клиентами, врачами и пациентами (или супругами, или близкими друзьями), либо те факты, о сохранении в тайне которых была достигнута договоренность. С юридической точки зрения существует достаточно широкий перечень видов сведений ограниченного к распространению характера, будь то тайна исповеди, коммерческая, служебная, банковская тайна, государственная, тайна частной жизни и иные виды тайн. Несмотря на то что данные сведения являются правдой и носят ограниченный характер распространения, это не исключает того факта, что они не могут быть использованы в качестве средства нанесения ущерба репутации или деловой репутации. Стоит отметить, что неправомерное получение доступа или разглашение вышеупомянутых сведений само по себе является правонарушением. Рассматриваемая категория истинных данных относится к юридически закрепленным видам сведений ограниченного характера. Данные сведения могут

нанести непоправимый ущерб состоянию рассматриваемых благ, что неприемлемо ни с моральной, ни с юридической точки зрения. Однако если за первое нарушение ответственность последует, то второе, несмотря на серьезность последствий, не будет воспринято правоприменителем как нарушение, так как законодатель не относит такие действия к нарушению закона.

Иначе говоря, если злоумышленник раскрывает ставшие известными сведения о личной жизни человека (например, о каких-то заболеваниях, процедурах, предпочтениях, особенностях семейной жизни; к подобным сведениям также относится фото в обнаженном виде) или об отношениях внутри трудового коллектива (личную или служебную переписку и др.) для демонстрации лица (коллектива) в глазах общественности в нелепом или позорящем свете, использование истинной информации целесообразно признавать противоправным даже на фоне ценности прав на защиту свободы слова и выражения мнений.

Все это не говорит о необходимости пренебрегать правами на защиту свободы слова и выражения мнения, а указывает на то, что диффамация с использованием истинных сведений также может быть средством совершения противоправного деяния наравне с диффамацией ложью.

Необходимо учитывать, что высокая ценность свободы слова и выражения мнения заключена в том, что субъекты, оперирующие ими, должны использовать истинные сведения в тех случаях, когда они несут общественно значимый или разоблачительный характер и относятся к предмету социально значимого обсуждения. В таком случае использование истины будет оправдано, как было отмечено выше, защитой собственных или общественных интересов.

Если распространяемая в указанных целях правдивая информация носит общественно значимый характер, например предупредительный или защитный, ограждающий общество от потенциально опасного проникновения субъекта в ту или иную социальную среду, то она не будет носить характер опорочивания. Обусловлено это, в первую очередь, тем, что умысел актора не будет связан с подрывом деловой репутации, а нацелен на сохранение безопасности общества или защиту прав и интересов граждан. Ярким примером являются многократные инициативы о формировании публичных картотек преступников, уличенных в совершении преступлений в отношении несовершеннолетних на сексуальной почве [14], или списков недобросовестных подрядчиков по гос-

заказу. Суть действий сводится к добросовестной активности актора, заключенной в субъективной стороне его действий.

Открытым и требующим внимания является вопрос относимости действий к порочащим, связанным с выражением личного мнения в форме предположения. Наиболее вероятно, что данные поступки мотивированы не целью опорочивания, а устранения настоящей или предполагаемой несправедливости.

Вместе с тем обнаружение нелестных частных фактов со стороны третьих лиц, не относящихся к социальной роли носителя репутации, с давних времен вызывало общественное недовольство и пресекалось на уровне правоохранительных институтов. В настоящее время в ряде правовых систем, в том числе отечественной, нет механизмов защиты участников общественных отношений от такого рода посягательств. Под благовидным предлогом общественной значимости, никак не выражаемой в безопасности или защите общества, огласке подлежат частные подробности быта, не связанные с социальной ролью носителя репутации или деловой репутации, оглашение которых никоим образом не влияет на общество, а лишь ухудшает положение и перспективы носителя. Принцип презумпции добросовестности нарушается без необходимости. Иными словами, фактическая значимость некоторых нелестных фактов о носителях будет иметь мало общего с их реальной общественной значимостью, но, безусловно, отрицательно влиять на их репутацию и деловую репутацию, так как они будут бессознательно формировать общее впечатление о носителях и степень доверия к ним. Все этому способствует уровень технологического развития информационной сферы и степень зависимости участников общественных отношений от качества поступающей информации.

Можно предположить, что автор настоящей статьи призывает вернуться к исторически первоначальному пониманию диффамации, к прежним юридическим и моральным императивам, но его

мнение обосновано иными существенными факторами. Основными аргументами в защиту точки зрения автора выступают недостаточность изучения степени вреда, причиняемого лицу, подвергнутому опорочиванию, относимость к общественной значимости распространяемых сведений, категория самих сведений (если речь идет о тайнах), наличие презумпции добросовестности участников общественных отношений и умысел актора, который осуществляет распространение такого рода информации.

Проведенное исследование позволяет нам предположить, что не существует разницы между диффамацией истиной или ложью: оба вида опорочивания искажают действительное восприятие участников общественных отношений объекта диффамации. Более того, если право на защиту репутации понимается как презумпция добросовестности, то в таком случае есть еще несколько причин для рассмотрения вопроса о признании диффамации истиной противоправным деянием. Во-первых, это связано с личностным развитием, перевоспитанием или исправлением носителя. Во-вторых, не стоит забывать о незыблемых гарантиях защиты различных видов тайн государством. Подлинная информация, ставшая доступной благодаря нарушению, часто используется в качестве средства для опорочивания и способствует созданию условий, благоприятных для последующей противоправной деятельности.

Свобода слова и выражения мнения, которой оправдываются действия правонарушителей, никоим образом не должна умаляться. Для решения вопроса о балансе прав, свобод, обязанностей и гарантий защиты чести, достоинства, деловой репутации целесообразно определить границы указанной свободы в пределах интересов безопасности, личности и общества. Другими словами, распространяемые подлинные сведения должны служить общественному благу, а выражаемые мнения — являться средством устранения несправедливости.

1. Keeton W. P. Prosser and Keeton on the law of torts. St. Paul, Minn.: West Publishing Company, 1984. 1286 p.

2. Додонов В. Н. Большой юридический словарь. Москва: Инфра-М, 2001. 790 с.

3. Иванов А. А. Римское право: основные понятия, законы и иски, персоналии и сентенции: словарь-справочник. 3-е изд. Москва: Флинта, 2020. 317 с.

1. Keeton W. P. Prosser and Keeton on the Law of Torts. St. Paul, Minn.: West Publishing Company; 1984: 1286. (In Eng.).

2. Dodonov V. N. Big law dictionary. Moscow: Infra-M; 2001: 790. (In Russ.).

3. Ivanov A. A. Roman law: basic concepts, laws and claims, personalities and maxims. Dictionary-reference. 3rd ed. Moscow: Flinta; 2020: 317. (In Russ.).

4. Прудников М. Н. Римское право: учеб. для вузов. 4-е изд. Москва: Юрайт, 2024. 302 с.

5. Cawdrey R. The first English dictionary. London, 1604. 342 p.

6. Johnson S. A dictionary of the English Language. London, 1755. URL: https://archive.org/details/johnsons_dictionary_1755 (access ed: 20.09.2024).

7. Ray R. Truth: a defense to libel // Minnesota Law Review. 1931. P. 43.

8. Филиппов Г. Г. Может ли быть диффамация объектом судебного преследования? // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 37—42.

9. Августин Аврелий. Исповедь / Блаженный Августин; [пер. с лат. М. Е. Сергеевко]. Москва: Изд-во Сретен. монастыря, 2012. 526 с.

10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Москва: Оникс, 2008.

11. Кийко А. Ю., Спиваков П. А. Эволюция института уголовно-правовой защиты деловой репутации в отечественной правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 49—60.

12. Рахманов М. Г. Влияние общественного мнения на политическую жизнь в период трансформации общества в начале 90-х годов XX века // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3 (7). С. 182—195.

13. Смирнова А. А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7—9.

14. Семочкина А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за педофилию // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 280—284.

Спиваков Павел Андреевич,

адъютант Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии
Российской Федерации;
ostrovludnikova@yandex.ru

4. Prudnikov M. N. Roman law. Textbook for universities. 4th ed. Moscow: Yurait; 2024: 302. (In Russ.).

5. Cawdrey R. The first English dictionary. London; 1604: 342. (In Eng.).

6. Johnson S. A dictionary of the English Language. London; 1755. Available from: https://archive.org/details/johnsons_dictionary_1755. Accessed: 20 September 2024. (In Eng.).

7. Ray R. Truth: a defense to libel. Minnesota Law Review, 43, 1931. (In Eng.).

8. Filippov G. G. Can defamation be an object for prosecution? Management counseling. 37—42, 2021. (In Russ.).

9. Augustine Aurelius. Confession / Blessed Augustine; [transl. from Latin by M. Ye. Sergeyenko]. Moscow: Publishing House of the Sreten Monastery; 2012: 526. (In Russ.).

10. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions. Moscow: Onyx; 2008. (In Russ.).

11. Kiyko A. Yu., Spivakov P. A. Evolution of the institute of criminal-legal protection of business reputation in the domestic legal system. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii, 49—60, 2024. (In Russ.).

12. Rakhmanov M. G. The influence of public opinion on political life during the transformation of society in the early 90-s years of the twentieth century. Humanitarian Scientific Forum in Ufa, 182—195, 2021. (In Russ.).

13. Smirnova A. A. Defamation as an abuse of freedom of speech and information (constitutional legal aspect). Constitutional and municipal law, 7—9, 2007. (In Russ.).

14. Semochkina A. A. Topical problems of criminal responsibility for pedophilia. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 280—284, 2021. (In Russ.).

Spivakov Pavel Andreyevich,

associate adjunct
of the Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation;
ostrovludnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *